

УДК 81.00

ББК Ш141.01.2973

Д181

В. П. Даниленко

Иркутск, Россия

**М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
О ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ФУНКЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Сторонники теории искусства для искусства выдвигали на первый план эстетическую функцию искусства. Не отрицая важности этой функции, М. Е. Салтыков-Щедрин отдавал предпочтение его просветительской функции. Вот почему он ставил художественную литературу в один ряд с наукой.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, теория искусства для искусства, наука, искусство, литература, духовные идеалы.

V. P. Danilenko

Irkutsk, Russia

**M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN
ON THE ENLIGHTENMENT FUNCTION OF LITERATURE**

Followers of the theory of art for art emphasize the esthetical function of art. Not denying the importance of this function, M. E. Saltykov-Shchedrin paid much more attention to its enlightenment function. That is why he ranked literature together with science.

Keywords: M. E. Saltykov-Shchedrin, the theory of art for art, science, art, literature, spiritual ideals.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Слово *пропаганда* в приведённых словах Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826–1889) следует понимать не столько в политическом смысле, сколько в просветительском. Как просветитель, между прочим, их автор выступает в своих художественных произведениях – начиная с повести «Противоречия» (1847) и кончая «Пошехонской стариной» (1889). Промежуток между ними заполнен его блистательными художественными шедеврами – «Губернскими очерками» (1857), «Историей одного города» (1870), «Господами Головлёвыми» (1880), «Сказками» (1886) и мн. др.

Чем глубже и глубже наша страна погружается во мрак своего одичания, тем всё больше и больше художественные произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина становятся актуальными. Но не менее актуальны также его литературно-критические и публицистические статьи. Большинство из них связано с его работой в журналах «Современник» (1863–1864) и «Отечественные записки» (1868–1884). Их редактором до 1877 г. был Н. А. Некрасов. После его смерти редактором «Отечественных записок» до их закрытия в 1884 г. становится М. Е. Салтыков-Щедрин.

Не перечить вопросам, которые М. Е. Салтыков-Щедрин обсуждает в своих литературно-критических и публицистических произведениях. Их анализу посвящены исследования таких выдающихся щедриноведов, как А. С. Бушмин, С. А. Макашин, Е. И. Покусаев, К. И. Тюнькин и др. В настоящей статье я хочу выделить только один из этих вопросов – о назначении искусства вообще и художественной литературы в особенности.

Сторонники теории искусства для искусства (А. Н. Майков, А. В. Дружинин, А. А. Фет и др.), как известно, сводили назначение искусства к эстетическому наслаждению. Они отрицали общественную роль искусства за пределами самого искусства. Подобная теория была для М. Е. Салтыкова-Щедрина неприемлема. Писатель, конечно, не мог отрицать самостоятельной ценности художественной

стороны произведений искусства, однако в конечном счёте он нацеливал эти произведения на служение обществу за пределами искусства как такового.

Впервые в полемику с теоретиками искусства для искусства М. Е. Салтыков-Щедрин вступил в статье «Стихотворения Кольцова» (1856), которая была написана после возвращения её тридцатилетнего автора из вятской ссылки. Чтобы подчеркнуть общественное значение искусства, он поставил искусство в один ряд с наукой: «Как наука, так и искусство равно должны служить обществу в его вечном искании. Скажем более: в этом-то благородном служении и лежит значение науки и искусства; оно одно узаконяет их право на существование; без него они низошли бы на степень пустой и праздной забавы» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 5, с. 11].

Сближение искусства с наукой стало характерной установкой М. Е. Салтыкова-Щедрина в решении вопроса о назначении художественной литературы. Это сближение позволяло ему подчёркивать её просветительское назначение: не только наука, но и художественная литература призвана разгонять мрак невежества и способствовать культурному прогрессу.

В статье «Уличная философия» (1868) М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Литература и пропаганда – одно и то же. Как ни стара эта истина, однако ж она ещё так мало вошла в сознание самой литературы, что повторить её вовсе нелишнее. Всякая светлая мысль, брошенная литературой, всякая новая истина, добытая ею, находит слишком большое количество прозелитов, чтоб можно было не дорожить этим присущим ей качеством побеждать мрак и покорять людей, наиболее упорствующих в предрассудках. Точно то же приблизительно должно сказать и о заблуждениях. Литература, пропагандирующая бессознательность и беспечальное житие на авось, конечно, не может иметь особенных шансов навсегда покорить мир своему влиянию, но она может значительно задержать дело прогресса» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 9, с. 62–63].

Чтобы беллетристика не задерживала дело прогресса, ей необходимо идти в ногу с наукой. «Конечно, – уточняет автор, – беллетристика не даёт читателю

той полноты и уверенности знания, к которым приведёт его наука путём доказательств, но влияние беллетристики всё-таки может быть благотворным в том отношении, что она предрасполагает к исканию истины и заставляет читателя скептически отнестись к тем неосознанным аксиомам, которыми он до того руководился» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 9, с. 63].

Художественное произведение того или иного автора только тогда может выступать в качестве подспорья для науки, если этот автор будет владеть не только художественным мастерством, но и научным мирозерцанием. «Каждое произведение беллетристики, – читаем у М. Е. Салтыкова-Щедрина, – не хуже любого учёного трактата, выдаёт своего автора со всем его внутренним миром. Читая роман, повесть, сатиру, очерк, мы без труда можем определить не только мирозерцание автора, но и то, в какой степени он развит или невежественен. Ошибочно думают те, которые утверждают, что интерес беллетристического произведения исчерпывается одною художественною стороною» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 9, с. 63].

Наука и беллетристика, с точки зрения русского мыслителя, имеют общий идеал – истину. Вот почему не только наука, но и художественная литература для него есть не что иное, как *исследование*. В статье «Насущные потребности литературы» (1869) не без преувеличения он утверждал: «Единственная задача, которую имеет в виду литература, есть исследование истины» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 9, с. 105].

Писатели с бедным мирозерцанием не способны ставить в своих произведениях вопросы, направленные на исследование истины. Их удел – отсутствие содержания. Невежество, подкреплённое бездарностью, не позволяет им создавать произведения подлинного искусства. Они становятся авторами не настоящей литературы, а *картонной*.

«Отличительные признаки современной картонной литературы, – поясняет М. Е. Салтыков-Щедрин, – совершенное отсутствие содержания и полное бес-

плодие, прикрываемое благородными чувствами. Над всем этим царит беспримерная бесталантность и неслыханнейшая бедность мирозерцания» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 6, с. 29].

Никто не сомневается в просветительской функции науки, но эту же функцию, по убеждению М. Е. Салтыкова-Щедрина, должна выполнять и художественная литература. Особенно важно, чтобы наука и литература совместно боролись с разными «родами невежественности». К одному из них относятся религиозные предрассудки. Такой, например: «В некоторых местностях массы верят, что свеча, сделанная из жира мёртвого человека, имеет особенные, чудесные свойства» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 9, с. 114].

Особую опасность представляет собою политика, которая опирается на почву невежественности. Вполне современно звучат такие слова М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Заговор против знания должен потерпеть неудачу уже по тому одному, что почва невежественности, на которую он опирается, слишком зыбка, чтоб на ней можно было построить что-нибудь прочное. Но этого мало: преследование знания никогда не обходится даром тому государству, которое слишком охотно охраняет неприкосновенность невежества. Подобное государство очень скоро беднеет, теряет своё политическое значение и нередко и самую независимость» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 9, с. 114].

Особое место в решении вопроса о назначении художественной литературы занимает статья М. Е. Салтыкова-Щедрина «Напрасные опасения» (1868). В комментариях к ней В. Я. Лакшин писал: «Статья представляет собою одно из наиболее обстоятельных высказываний Салтыкова по общим вопросам развития современной ему литературы. В то же время её можно рассматривать и как программное литературно-критическое выступление «Отечественных записок», перешедших с 1868 г. под редакцию Некрасова» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 9, с. 467].

М. Е. Салтыков-Щедрин прославил своё имя как сатирик. Но назначение литературы он видел не только в осмеянии отрицательных персонажей. На первое

место в статье «Напрасные опасения» он выдвигает вопрос о положительных героях. Таких героев, с его точки зрения, русская литература не сумела найти. Это не удалось, в частности, Н. В. Гоголю. «Новая русская литература не может существовать иначе, как под условием уяснения тех положительных типов русского человека, в отыскивании которых потерпел такую громкую неудачу Гоголь», – писал М. Е. Салтыков-Щедрин [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 9, с. 23].

Не могут претендовать на положение подлинных положительных героев, по мнению автора «Напрасных опасений», так называемые *лишние люди*, которых вывел в своих книгах, в частности, И. С. Тургенев. Его Рудин, Лаврецкий и т. п. *лишние люди* уже потому не могут расцениваться в качестве положительных героев, что они оказались в русском обществе *лишними*. Они не нашли высоких целей в жизни.

М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Трудно найти в какой-либо литературе типы более блестящие, нежели Рудин, Лаврецкий и множество других, созданных талантливym пером Тургенева; скажем даже: трудно найти типы, более способные возбудить симпатию; но взгляните на них пристальнее, взвесьте их поступки и действия, и вы легко убедитесь, что это не более как люди распутия, люди скучающие, не видящие в жизни целей, не потому, чтобы этих целей не было в действительности, и даже не потому, чтобы очень трудно было определить их, а потому просто, что они не находят особенной надобности вызывать их наружу. Конечно, им до известной степени уже неловко жить в той обязательной среде, которая их окружает, но иго этой нравственной неловкости, по-видимому, не настолько ещё нестерпимо, чтобы разрешиться чем-нибудь иным, кроме лёгкого и, в сущности, очень незлобивого будирования» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 9, с. 10].

И. С. Тургенев назвал *лишними* тех людей, которые не нашли своего места в жизни. Таких людей можно назвать также неприкаянными. Русская классическая литература вывела целую галерею неприкаянных. Неприкаянными в литературе XIX в. оказались Александр Чацкий у А. С. Грибоедова, Евгений Онегин у А. С.

Пушкина, Григорий Печорин у М. Ю. Лермонтова, Андрей Тентетников у Н. В. Гоголя, Владимир Бельтов у А. И. Герцена, Дмитрий Рудин у И. С. Тургенева, Илья Обломов у И. А. Гончарова, Егор Молотов у Н. Г. Помяловского, «Человек из подполья» у Ф. М. Достоевского, Иван Войницкий у А. П. Чехова и др., а в XX в. галерею неприкаянных пополняют Клим Самгин у А. М. Горького, Андрей Старцов у К. А. Федина, Григорий Мелехов у М. А. Шолохова, Виктор Зиллов у А. В. Вампилова, Лёва Одоевцев у А. Г. Битова и др.

Ещё в 1864 г. писатель выразился о лишних людях следующим образом: «Для того чтобы жизнь не прошла праздною, необходимо держаться около живого дела, и горькое горе ждёт того деятеля, который внезапно ощутит себя оторванным от жизни и лишним в этой общей тревоге, которою повсечасно живёт общество» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 6, с. 252].

М. Е. Салтыков-Щедрин заключил свои размышления о лишних людях в «Напрасных опасениях» с некоторой иронией: «Какими бы симпатичными чертами ни рисовали мы "лишнего человека" – всё же это явление болезненное, а не нормальное. Здравый смысл человека никак не примирится с тем, чтобы судьбы мира могли находиться в руках людей, останавливающихся перед всяким живым делом в положении хемницеровского "Метафизика". Ведь идёт же как-нибудь этот мир, делается же в нём какое-нибудь дело, непременно подскажет этот здравый смысл, стало быть, есть в нём какие-то другие люди, которые хотя не сильны по части метафизики, но могут делать настолько, что и сами живут, да и метафизикам жить дают» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 9, с. 11–12].

Так называемых *лишних людей* в нашем обществе всегда было немного. Только немногие у нас искали высокий смысл жизни. Среди многочисленной интеллигенции *лишние* всегда выглядели у нас как белые вороны. Большинство же наших интеллигентов звёзд с неба не хватает, зато в актёрстве преуспевает. Со времён М. Е. Салтыкова-Щедрина они мало изменились. Вот какой портрет типичного россиянина-интеллигента нарисовал наш великий сатирик в статье «Литература на обеде» (1868):

«Я знаю тебя, милый мой россиянин, от первых ногтей юности твоей, знаю все твои входы и исходы, и для меня ясно нутро твоё. Напрасно ты хочешь отвести мне глаза, обморочить меня разными заморскими убранствами, которые нахватал ты из заморских книг и даже просто из газет. Когда ты прикидываешься передо мною учёным, умирающим над наукою, цитируешь целый ворох разных европейских светил науки, я знаю, что твоя ученость всё-таки не восходит выше учёности покойного "Свистка". Когда ты разыгрываешь роль государственного человека, политика, притворяешься изучившим в тонкости положение всей Европы, я твёрдо убеждён, что твоя политическая мудрость идёт никак не далее передовых статей "Московских ведомостей" и "Русского инвалида". Высказываешь ли ты мне мрачный взгляд на мир, являешься ли самым ярким материалистом и социалистом, для меня это – ясный знак, что твоя карьера доселе была безуспешна и что тебе нигде не удалось даже прихватить взаймы порядочный куш денег; когда ты начинаешь говорить о необходимости веры, о святости собственности, для меня делается очевидным, что ты уже приобрёл хорошую обстановку и денег давать никому не намерен» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 9, с. 48].

Актёрское мастерство позволяет интеллигентному человеку изображать из себя благонамеренного гражданина своего отечества. Ему присущи два главных признака – хорошее поведение и хороший образ мыслей.

Что значит *хороший* в приведённых словосочетаниях? Лояльное отношение к власти. Как оно достигается в случае с хорошим поведением?

Хорошее поведение держится на добровольной способности благонамеренного к подчинению. М. Е. Салтыков иронизирует: «Самый сложный из всех организмов, тот, который покорила себе прочие организмы и даже ограничил свободу стихий, одним словом, сам человек подчиняется легче других, подчиняется не только без всяких усилий, но даже с некоторым энтузиазмом» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 6, с. 242].

Вот как лояльное отношение к власти достигается в случае с хорошим образом мыслей:

«Отличительный признак хорошего образа мыслей есть невинность. Невинность же, с своей стороны, есть отчасти отсутствие всякого образа мыслей, отчасти же отсутствие того смысла, который даёт возможность различить добро от зла» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 6, с. 11–12].

Хорошее поведение в свою очередь держится на способности благонамеренного к подчинению. М. Е. Салтыков-Щедрин иронизирует: «Самый сложный из всех организмов, тот, который покорил себе прочие организмы и даже ограничил свободу стихий, одним словом, сам человек подчиняется легче других, подчиняется не только без всяких усилий, но даже с некоторым энтузиазмом» [1, 6: 242].

Был у нас такой писатель – Нестор Васильевич Кукольник (1809–1868). Свою готовность к беспрекословному подчинению он выразил такой запоминающейся фразой: «Прикажут – завтра же буду акушером» [1, 10: 8].

В готовности к исполнению приказов М. Е. Салтыков-Щедрин видел весьма характерную черту благонамеренного русского человека. Он писал во введении к книге «Господа ташкентцы» (1870):

«Прикажут – и Россия завтра же покроется школами и университетами; прикажут – и просвещение, вместо школ, сосредоточится в полицейских управлениях. Куда угодно, когда угодно и всё, что угодно. Литераторы ждут мания, чтоб сделаться акушерами; повивальные бабки стоят во всеоружии, чтоб по первому знаку положить начало родовспомогательной литературе. Все начеку, всё готово устремиться куда глаза глядят. По-видимому, такая всеобщая готовность должна бы произвести в обществе суматоху и толкотню. Однако ж ничего подобного не усматривается. Везде порядки, везде твёрдое сознание, что толкаться не велено. Но прикажите – и мы изумим мир дерзостными поступками» [1, 10: 8].

В сатирическом романе «Современная идиллия» (1883) М. Е. Салтыков-Щедрин описывает историю превращения в благонамеренных двух его главных героев – рассказчика и Глумова, которым было приказано *погодить*. Довольно быстро они достигли потрясающих «успехов» в своей деградации:

«Ни науки, ни искусства не интересовали нас; мы не следили ни за открытиями, ни за изобретениями, не заглядывали в книги, не ходили в заседания педагогического общества, не сочувствовали ни славянам, ни туркам и совсем позабыли о существовании Мак-Магона. Даже чтение газетных строчек сделалось для нас тягостным... Во всех съестных лавках нас полюбили как родных... В согласность с этою жизненною практикой выработалась у нас и наружность. Мы смотрели тупо и невнятно, не могли произнести сряду несколько слов, чтобы не впасть в одышку, топырили губы и как-то нелепо шевелили ими, точно собираясь сосать собственный язык. Так что я нимало не был удивлён, когда однажды на улице неизвестный прохожий, заведя нас, сказал: вот идут две идеально-благонамеренные скотины!» [1, 15 (1): 22–23].

Попробуйте отыскать положительных героев среди нашей интеллигенции: с одной стороны, лишние, а с другой, благонамеренные. Осталась тонкая прослойка интеллигенции, среди которой жили люди, достойные стать несомненными положительными героями художественной литературы. К таким людям принадлежал сам М. Е. Салтыков-Щедрин. Это труженики мысли. Он писал о них с воодушевлением:

«Бедные труженики мысли, бескорыстные созидатели будущих судеб человечества должны раз навсегда убедиться в этой истине: история пошлёт заочное воздаяние за их подвиги, лишения, а иногда и за преждевременную мученическую смерть. Сходя в могилы одинокими, гонимыми, оклеветанными, да не впадут они в отчаяние, ибо имеют право сказать себе: мы умираем, но мысль наша будет жить и восторжествует в истории» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 6, с. 362].

Особенно болезненным был для М. Е. Салтыкова-Щедрина вопрос о положительных героях из среды простолюдинов. На неё он возлагал больше надежд в поиске положительных героев, чем на среду интеллигентов. В анализируемой статье он полемизирует с Н. Н. Страховым, который опубликовал в 1867 г. статью «Бедность нашей литературы». Опасения автора этой статьи об упадке со-

временной литературы М. Е. Салтыков-Щедрин расценил как напрасные (отсюда название его статьи – «Напрасные опасения»). Он делал оптимистические прогнозы.

М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Если нельзя без оговорок указать на тот или другой роман, ту или другую повесть, в которых вполне уяснились бы нам положительные типы русского простолюдина, то можно сказать без оговорок, что уяснение это вполне достигается *совокупностью* множества литературных произведений, непрерывно следующих одно за другим. В этом отношении молодая наша литература достигла результатов гораздо более действительных, нежели относительно типа русского человека, принадлежащего к среде воспитывающей... Повторяем: русская литература нашла уже путь, и путь прямой и правильный; если же на этом пути мало встречается деятелей, поражающих своими талантами, то это ещё беда небольшая. Главное дело современных литературных деятелей заключается в подготовке почвы, в собирании материала и в честной разработке его, и эта скромная, но нелёгкая задача исполняется ими с полным сознанием и с замечательною добросовестностью» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 9, с. 34].

Оптимистические прогнозы автора этих слов о выведении на арену русской литературы положительных героев из народной среды сменились у него со временем на пессимистические. В «Письмах к тётенке» (1882) он с горечью констатировал, что в современной литературе таких героев по-прежнему нет: нет «ничего цельного, задуманного, выдержанного, законченного. Одни обрывки, которые имеют значение сырого материала, да и то материала несвязанного, противоречивого» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 9, с. 472].

Подобные наблюдения приводили М. Е. Салтыкова-Щедрина к отчаянию, поскольку положительным героям в литературе он придавал чрезвычайно важное значение. Без таких героев литература не может в полной мере выполнять свои главные функции – просветительскую и преобразовательную. Такие герои призваны выступать в обществе в роли образцов для подражания. Они призваны выступать в роли проводников духовных идеалов. В утверждении этих идеалов

писатель и видел назначение искусства вообще и художественной литературы в частности.

Духовные идеалы забрезжили в сознании М. Е. Салтыкова-Щедрина ещё в ранней молодости. В автобиографическом рассказе «Имярек» (1887) он вспоминал о себе в третьем лице: «Ещё в ранней молодости он уже был идеалистом; но это было скорее сонное мечтание, нежели сознательное служение идеалам... Были слова (добро, истина, красота, любовь), которые производили чарующее действие, которые он готов был повторять бесчисленное множество раз и, слушая которые, был бесконечно счастлив. Если бы от него потребовали наполнить эти слова содержанием, он удивился бы – до того они представлялись ему несомненными и обязательными, до того его прельщал самый звук их» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 9, с. 434].

После смерти Николая I в 1855 г. автор этих слов выдвинул для себя на первый план три идеала – свободу, развитие и справедливость. В упомянутом рассказе он писал: «Лозунг его в то время выражался в трёх словах: свобода, развитие и справедливость. Свобода – как стихия, в которой предстояло воспитываться человеку; развитие – как неизбежное условие, без которого никакое начинание не может представлять задатков жизненности; справедливость – как мерило в отношениях между людьми, такое мерило, за чертою которого должны умолкнуть все дальнейшие притязания» [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 9, с. 437].

М. Е. Салтыков-Щедрин воспринимал духовные идеалы как свой внутренний храм. В автобиографической сказке-элегии «Приключение с Крамольниковым» (1886) он писал о себе: «Как у всякого убеждённого и верящего человека, у Крамольникова (т. е. у самого М. Е. Салтыкова-Щедрина. – В.Д.) был внутренний храм, в котором хранилось сокровище его души. Он не прятал этого сокровища, не считал его своею исключительною собственностью, но расточал его. В этом, по его мнению, замыкался весь смысл человеческой жизни. Без этой деятельной силы, которая, наделяя человека потребностью источать из себя свет и добро, в

то же время делает его способным воспринимать свет и добро от других, – человеческое общество уподобилось бы кладбищу» [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 9, с. 26].

Под именем Крамольникова, как убедительно показал А. С. Бушмин в своей прекрасной книге «Сказки Салтыкова-Щедрина» (М., 1960), в «Приключении с Крамольниковым» М. Е. Салтыков-Щедрин изобразил самого себя. Эта сказка-элегия – крик его души. Он упрекает себя в ней в том, что профессией литератора он в какой-то мере отгораживался от народных стонов. Он писал в ней:

«Отчего ты не шёл прямо и не самоотвергался? Отчего ты подчинял себя какой-то профессии, которая давала тебе положение, связи, друзей, а не спешил туда, откуда раздавались стоны? Отчего ты не становился лицом к лицу с этими стонами, а волновался ими только отвлечённо? Из-под пера твоего лился протест, но ты облакал его в такую форму, которая делала его мёртворождённым. Всё, против чего ты протестовал, – всё это и поныне стоит в том же виде, как и до твоего протеста. Твой труд был бесплоден. Это был труд адвоката, у которого язык измотался среди опутывающих его лжей. Ты протестовал, но не указал ни того, что́ нужно делать, ни того, как люди шли вглубь и погибали, а ты слал им вслед своё сочувствие» [Салтыков-Щедрин, 1988, т. 9, с. 34].

Какой несправедливый вывод! Но он оттеняет несокрушимую преданность великого писателя тем идеалам, которым своим литературным трудом он служил до конца своей жизни. Во имя утверждения этих идеалов в обществе он бичевал в своей сатире их антиподы – ложь, безобразное, зло, несправедливость и т. п.

М. Е. Салтыков-Щедрин не успел написать литературное завещание, которое он назвал «Забытые слова». В нём он собирался написать о словах, обозначающих высшие человеческие ценности. Вот как передал его замысел Г. З. Елисеев: «Мне хотелось бы перед смертью напомнить публике о когда-то ценных и веских для неё словах: *стыд, совесть, честь* и т. п., которые ныне забыты и ни на кого не действуют» [Тюнькин, 1989, с. 616].

В движении к идеалам М. Е. Салтыков-Щедрин видел высший смысл своей жизни. К этому движению он призывал своих современников и потомков в своей

последней книге: «Не погрязайте в подробностях настоящего, но воспитывайте в себе идеалы будущего; ибо это своего рода солнечные лучи, без оживотворяющего действия которых земной шар обратился бы в камень. Не давайте окаменеть и сердцам вашим, вглядывайтесь часто и пристально в светящиеся точки, которые мерцают в перспективах будущего. Только недалёкозорким умам эти точки кажутся беспочвенными и оторванными от действительности; в сущности же они представляют собой не отрицание прошлого и настоящего, а результат всего лучшего и человеческого, завещанного первым и вырабатывающегося в последнем. Разница заключается только в том, что, создавая идеалы будущего, просветлённая мысль отсекает все злые и тёмные стороны, под игом которых изнывало и изнывает человечество» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 17, с. 72].

Идеалы, к которым призывал М. Е. Салтыков-Щедрин, – истины, добра, справедливости и т. п. – в наше время стали ещё более актуальными, чем при его жизни, поскольку у современных людей они почти полностью превратились в их антиподы. С лёгкостью необыкновенной они меняют истину на ложь, добро – на зло, справедливость – на несправедливость и т. д. Им кажется, что так легче выжить. Между тем впереди у них, если они не успеют одуматься, не что иное, как пропасть.

Библиографический список

1. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений в двадцати томах. М.: Художественная литература, 1965–1977.
2. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений в десяти томах. М.: Правда, 1988.
3. *Тюнькин К. И.* Салтыков-Щедрин. М.: Молодая гвардия, 1989. 624 с.

References

1. Saltykov-Shchedrin M. E. Collected works in ten volumes. Moscow: Pravda, 1988. (in Russian)
2. Saltykov-Shchedrin M. E. Collected works in twenty volumes. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1965-1977. (in Russian)
4. Tyunkin K. I. Saltykov-Shchedrin. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1989. 624 p. (in Russian)